

ПРОЗА

Алексей Сальников. Марки. Рассказ

«...Всю дорогу он только и делал, что любовался тем, как самолет маневрирует между толстыми высокими облаками, похожими на невероятной величины небоскребы, как бы шерстяные, или облепленные хлопком. Земля внизу выглядит плоской и безобидной. Будто нет там никакой творящейся истории, а есть только земледелие и немного архитектуры. Речки блестят, зеленеют леса, которых на удивление много. Шибов вспоминает, как летел над зимней тайгой, пусть и бесконечной, однако засыпанная снегом, с отстоящими друг от друга деревьями, она вызвала мысли об огромном парке, разве что без пешеходных троп. А меж тем ведь жуткое место, если заблудиться».

Михаил Токарев. Фут-фетишизм в районах Крайнего Севера. Повесть

«По всему вероятно, встретить зиму, рассыпаясь ли в снежной пустыне при бледной луне, иль Витязем, размахивающим дерзновенно мечом, попугивая институток, волочащихся с вечерних занятий. Я привык в одинаковой степени безынтересно. Зачастую, встречая зиму, я говорю ей с типичным прононсом: гранд мерси. И обязательно кланяюсь. Люблю я русскую зиму поболее весны, лета да осени. Сладко уснешь в троллейбусе, сомлевший такой глядишь на восточную красавицу, на эту розу, расцветающую в пустыне, на этот бальзам звездочка для нашего коллективного израненного сердца, она тебе рахат лукум протягивает, полуобнаженная, ты ей кокетливо: гражданка, уберите свою тулумбу, я вам русских блинчиков испеку, чего же сладкое на голодный желудок».

Евгения Скобина. Гад морской. Рассказ

«...В этом самом пруду некогда утопили студента Иванова. Согласно катехизису революционера его сначала душили шарфом, потом треснули дубиной по голове, исполнили контрольной выстрел. Завернули в пальто с чужого плеча, насовали в карманы кирпичей и затолкали в пруд. Тело распласталось подо льдом, где и было обнаружено крестьянином села Петровские Выселки Петром Калугиным (дело, стоит напомнить, происходило в Петровской, как тогда называлось заведение, академии). Из пруда, раздвинув заросли, выбрался мужчина. Он наспех вытерся скатертью из продуктовой корзинки, украл брюки, рубашку и зашагал по Лиственничной аллее. Человека – не человека вовсе – звали Виталий Терентьевич. Жабры под ребрами стянулись и зарубцевались. Он потрогал их рукой, как гитарист струны».

Борис Лейбов. Было. Каперсы. Сон новобранца. Рассказы

«...Ему страшно. Он молит ночь задержаться. Он ничего такого еще не видел. Не видел, как кричит в родах женщина. Не видел, как плачет от боли ребенок. Не видел, как смотрит перед собой скотина перед забоем. Не видел еще, как восстают мертвецы. На базе должны были показать фильм-инструкцию, но файл долго не подгружался, и командование раздало новобранцам халву, миндаль и кофе с кардамоном, сваренный в походной кастрюле. «Да в принципе все то же самое, только не страшно и без лохмотьев», – обратился к ребятам начальник части после демонстрации «Зловещих мертвецов» и «Зловещих мертвецов – 2». Солдаты смеялись, фляжки с анисовой водкой гуляли под стульями, до первого задания было еще полно времени...»

Вадим Ярмолинец. Рассказы о знаменитых музыкантах

«...У нас тут на Брайтоне жил один музыкант – Коля Ноготь. Своим прозвищем он был обязан технике игры на гитаре. Он не пользовался медиатором, а бил по струнам ногтем большого пальца – как Джефф Бек.

Коля выступал во всех русских ресторанах Нью-Йорка, но его отовсюду выгоняли. Дело в том, что когда он напивался, он устраивал такие концерты, что люди их потом вспоминали всю жизнь. На сцене возле него всегда стояла бутылочка воды, и в промежутках между песнями он отпивал из нее глоток-другой, только это, как вы понимаете, была не вода. Достигнув кондиции, Коля преображался».

Борис Минаев. «Калашников» и другие рассказы из цикла «Оды и некрологи»

«...Всю жизнь я занимался публицистикой, что-то обобщал, формулировал, сейчас это надоело. Но невозможно не написать про Калашникова, что он всегда воплощал для меня какой-то другой тип русского человека. Тип, которого я в жизни почти и не видел – настолько поглощенного своей идеей, готового ради этой мысли, мечты на любые подвиги, на любые безумства, так что все остальное по сравнению с этим выглядело мелким и неважным. Если говорить совсем коротко, идея у Калашникова была простая – он хотел изменить мир. С помощью уличного театра».

Владимир Тренин. Ряпушка и клюква. Рассказ

«Первый лёд хрупкий, но может порезать до крови. Трескучая паутина разбежалась по замёрзшей матовой поверхности озера. Многоугольные пористые пластины уходили в чёрную холодную воду, скребли резиновый корпус лодки, и сердце рыбака замирало. Михаил, опасаясь острых обломков, способных вспороть днище и борта ветхого челнока, специально сел на корму, дабы облегчить нос. Вёсла погружал мягко, плавно, без рывков».

ПОЭЗИЯ

Алексей Порвин. Стихи февральского года

«Забрало полицейского шлема перенимает / детсадовского линолеума отблески, / обучается прозрачности у дождя, дарующего / примирение всех со всеми, но учебник / отзывает свои буквы, словно бракованный товар / Наука сложна: меркнет укрепленный визор / Служители шагали прямо сквозь мир взрослых, / пустотное зияние в патруле называли Петров / в память о том, кто уволился сразу же, как / получил приказ избивать цветы и задерживать / полёт снежинок, снабжённый подозрительным ветром / Сослуживцы не понимали, о чём он говорит / А он всё о том же: как нескрываемая фотография / вянет, погибает углками прямо в небесную печаль, / как дубинку рассасывает морозный воздух / и у сердца черствеет удостоверение»

Семён Ромащенко

«сумрачно на окраинах, вишневые сады; / сны озаряют котики и призраки красоты; // девушки в комбинациях, завтраки на траве; / велопрогулки с чашкой на голове; // вечные развлечения, чай на веранде, плен / неги, пустая песенка вроде Лили Марлен; // стишки детишки безделья, скучно, и не понять / как прекратить безвременье, делом себя занять»

Юрий Гудумак. ЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ДОЖДЛИВОЙ ГОРЫ / ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕЙТИ В СЕРЫЙ ЗИМНИЙ ТРЕХСОТШЕСТИДЕСЯТИГРАДУСНЫЙ ИММЕРСИВНЫЙ МОНОХРОМ

«...Не что иное, как только то, / что я нахожу, уходя не дальше, / чем позволяют просторы Яблони, / если говорить вывернутым языком. / На языке же цифр это каких-нибудь пара-тройка километров – / отдаленный намек на ту же мысль еще в окраске Махова / понимания о явлениях, аналогичных тому, / как перекачивается по кругу большого радиуса / конус, немногим отличающийся от цилиндра. / Фича, она же чича, / в очередной раз репрезентирующая / неисчерпаемость смыслов...»

Янис Грантс. Сопрано на окружной дороге

«хлюп-хлюп / чапает по грязи канатоходец без каната / протекают несмазанные колени / судорожно балансируют локти как побеги вишни / лысина путается словно пряжа / истощается ключица / дымит недавний поцелуй губной помады / если бы // тем временем облака наскоро заштопаны чужими нитками / крачки перелетают на запасные пути / перспектива искривлена нулём по градусу / море – осыпается / канатоходец оглядывается и / перемалывая камни во рту / вздыхает / если бы / если бы / если»

Ольга Аникина. Волоконце

«не показывай мне лица / как беглец во время охоты на беглеца // лети как звук, но не облекайся в звук, / оставь нас обоих молчать как молчит паук // оставь сокрытым летучий взгляд / как в чёрном облаке белый град // горло и плечи спину и бёдра спрячь / оставь / только кончики пальцев и острый носок туфли / пускай я буду глух и незряч // пускай я буду свободен и твои полюбив слова / я буду их повторять / я буду их понимать едва»

Владимир Ермолаев. Из цикла «Исчезнувший объект»

«до черного / от темного / бордо / недалеко // земля / сгустившаяся / кровь // исчезнувший / объект // оттенок / красного / #260100 // новинка / ultrablack // и вой / из пустоты // неслышимый / но / зримый»

ПЕРЕПИСКА

«Мне кажется, что как есть путь чая или путь самурая, так есть и путь поэзии...» Из переписки Андрея Таврова и Николая Болдырева. Публикация Николая Болдырева

От публикатора: *«Мне посчастливилось в последние десять лет жизни Андрея Таврова находиться с ним в дружеской переписке, начатой, кстати, им. Думаю, это общение было плодотворным для обоих. Прежде всего не столько даже из-за тонко укрытого нерва полемичности в разговоре на тему, что есть поэзия и чему она служит, сколько из-за нашего взаимного натиска на эту тему, где мерилом была доверительность, но ни в коем случае не интеллектуализм. Для меня Андрей Михайлович был не просто выдающимся поэтом со своей оригинальной эстетикой, но духовным искателем, всерьез пытавшимся обрести в литературе бытийное основание и высший смысл, от чего давно уже все отступились, приняв словесность в качестве изящной игры и способа едва ли не гедонистического самоутверждения».*

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Запятая-24. В русском жанре – 84

«...Советский период знал разные формы и уровни отношений автора и издателя. Немного поколебавшись в 20-е, пока существовали частные издательства, после их ликвидации, сочетая вплоть до войны жестокую цензуру с необъяснимой вольницей вроде

издания собр. соч. Велемира Хлебникова в 1940-м году, подчинившись до упора потребностям военного времени, книгоиздание вошло в многолетние жёсткие рамки. В них подписные собрания сочинений допускались по особому верховному допущению только у признанных теми же верхами (и отчасти читателем) безусловными классиками. Таковых для начала сразу после войны было несколько. Петр Павленко, Илья Эренбург, Леонид Леонов, Андрей Упит, Борис Горбатов, Александр Корнейчук, Константин Федин».

МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ.

Григорий Беневич. О стихах Вячеслава Попова. Герменевтические этюды

«Самым большим поэтическим открытием прошлого года стали для меня стихи Вячеслава Попова, поэта со сложной поэтической судьбой (промолчавшего после первых публикаций более 20 лет), но, на мой взгляд, замечательного. Не возьмусь охарактеризовать поэзию В. Попова в целом (это требует отдельной работы), но еще до всяких обобщений и рецензий хотелось бы как читателю остановиться на некоторых его вещах и продлить удовольствие от встречи с ними в той форме, которая мне наиболее близка – пристального чтения».

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Александр Марков. Философия между событиями:

К выходу тома стихов и тома прозы Виктора Кривулина

Борис Кутенков. Внедрённый милый неопознанный, или воскрешение гетеронима

К выходу книги: Фёдор Терентьев. Неполное собрание стихотворений

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Ливенцов. О самоубийцах с любовью

О кн.: Евгений Чижов. Самоубийцы и другие шутники

Борис Кутенков. Ткань станет тенью

Об одном стихотворении Валерия Шубинского